

О. А. Кострова

Самарский социально-педагогический университет

КОНЦЕПТОСФЕРА АВТОРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ КРИСТЫ ВОЛЬФ *KINDHEITSMUSTER*

Языковая личность автора рассматривается как ядро художественного текста, отражающего специфику реальной действительности определенного времени. В исследуемом романе языковая личность автора позволяет представить процесс осмысления прошлого поколением немцев, детство которых пришлось на период нацизма. Концептосфера автора анализируется на трех уровнях: поверхностно-эмпирическом, глубинно-концептуальном и дискурсивно-прагматическом. Авторские концепты расцениваются как производные от базовых концептов немецкой лингвокультуры, сложившиеся под влиянием социокультурных условий в период формирования личности.

Ключевые слова: доминантные и периферийные концепты; немецкая вина; память; расщепление личности; тяга к истокам; критицизм

1. К постановке проблемы

Творчество Кристи Вольф широко освещалось в немецком и отечественном литературоведении (см. в [ГУРОВ 1993]). Ее роман, озаглавленный в русском переводе *Образы детства* (WOLF 1982), изданный в 1976 г., затрагивает болевые точки немецкой истории — историческую травму, проблему преодоления прошлого. Эти проблемы были центральными в творчестве многих немецких писателей после 1945 г. 30 лет спустя после окончания войны, когда уже составлена целая антология из антифашистских книг, автор снова обращается к волнующей ее проблематике. Криста Вольф

«убеждена, что проблема фашизма продолжает оставаться «радиоактивной» [...], тем более в международном масштабе. [...] С этим убеждением писала Криста Вольф свою книгу «Образы детства». Там она наиболее отчетливо реализовала принцип авторского присутствия в повествовании» (МОТЫЛЕВА 1987).

О новизне ее освещения проблемы написал в предисловии к русскому переводу Д. Гранин:

«Криста Вольф открыла для меня совершенно неизвестный облик немецкого фашизма. Сейчас, после прочтения романа, изображение выглядит естественным: вот как семя фашизма проросло в недрах семьи, в школе, как росло вместе с трехлетней девочкой —

до этого возраста добирается глаз художника» (ГРАНИН 1989).

Сложность композиции, стилистики и проблематики романа вызывает разночтения даже в определении его жанра. И. В. Млечина считает его романом-отчетом, расценивая его как «отчет» человека перед собой и другими (МЛЕЧИНА 1985: 212). По мнению Т. Мотылевой, роман представляет размышления автора в рамках «субъективной аутентичности», под которой имеется в виду «подлинность, достоверность, засвидетельствованную личным опытом автора» (МОТЫЛЕВА 1987). Наиболее убедительной представляется позиция Л. М. Ньюбиной, которая относит роман к жанру литературной автобиографии (НЮБИНА 2014: 198). В этом жанре реализуется одна из модификаций мнемонического текста. Литературная автобиография основана на работе памяти (Там же: 191). По свидетельству Ньюбиной, мнемоническая проза обладает смысловой гетерогенностью и композиционной фрагментарностью. Ее гетерогенность определяется взаимодействием различных видов памяти, наличием разных смысловых линий с многочисленными микросюжетами и некоторыми другими факторами (НЮБИНА 2000: 93). В интересующем нас романе многократно актуализируется, например, зрительная память; она может быть основана на авторских архивных документах — фотографиях (Там же: 99-100).

Характеризуя мнемонический текст как *многомерный когнитивный феномен* (НЮБИНА 2014: 190), исследователь использует в качестве материала произведения многих авторов. Специальных изысканий, посвященных лингвистическому анализу романа *Kindheitsmuster* в отечественной германистике, мы не обнаружили. Тем не менее, этот роман представляет уникальный материал, показывающий формирование сознания человека в эпоху тоталитаризма. Исходя из этого, *целью* настоящей статьи избран когнитивно-прагматический анализ концептосферы автора указанного произведения, отражающего типичные черты немецкой языковой личности того периода.

2. Методология исследования

Адекватная интерпретация художественного текста невозможна без понимания личности автора, его создавшего. Стиль текста «представляет собой авторское самовыражение себя как “языковой личности”» (ГОНЧАРОВА 2012: 23). С этой точки зрения, *языковую личность* автора мы рассматриваем как ядро ху-

дожественного произведения. В монографии (КОСТРОВА и др. 2021) изложены факторы влияния на формирование языковой личности автора, методология исследования авторской языковой личности и проанализированы некоторые произведения художественной и гибридной литературы. К факторам влияния мы отнесли философские концепции: немецкий романтизм с его стремлением к идеалу, философию жизни Ф. Ницше с доминантным концептом сверхчеловека и симуляцию, представленную в философии Ж. Бодриера.

В философии романтизма выделяем основополагающий элемент, заключенный в мистических и эстетических воззрениях романтиков, — «идеализм». Этот элемент выводит, как ни парадоксально, на ключевой концепт немецкой культуры *ORDNUNG*, поскольку порядок — это зачастую недостижимый идеал, к которому мы стремимся. Идеализмом обусловлено и связанное с ним нематериальное эстетическое чувство, необходимое в сфере художественности. Близок к идеализму элемент, усвоенный из философии жизни: «сверхчеловек», то есть человек, обладающий сверхъестественными способностями. Этот элемент стирает различия между порядком и хаосом, поскольку неадекватное восприятие своей личности, стремящейся создать «новый порядок», приводит, как показывает история, к хаосу. Из философии общества потребления, изложенной Ж. Бодрийером, извлекаем элемент «симуляция», ключевой для определения подлинной идентичности человека. Распредмеченные таким образом элементы философских учений оказывают существенное влияние на формирование ментального пространства личности в немецкой лингвокультуре.

Ю. Н. Караулов выделяет в составе языковой личности вневременной и временной уровни. К вневременному уровню исследователь относит используемый личностью языковой тип и устойчивую часть вербально-семантических ассоциаций, а также базовую инвариантную часть картины мира [КАРАУЛОВ 2010: 39]. В нашем исследовании вневременной уровень образуют базовые (донорские) концепты национальной культуры, а временной уровень — конкретные социокультурные условия формирования личности. В центре нашего внимания оказывается концептосфера авторской личности, сформированной под влиянием концептосферы немецкой лингвокультуры, с одной стороны, и

влиянием нацистского режима, — с другой.

Исследование выполнено на стыке литературоведения, лингвистики, лингвоконцептологии и лингвопрагматики. В литературоведении используется категория «образ автора» как «одно из проявлений глобальной категории субъектности» (БОЛОТНОВА 2003: 253). Образ автора, незримо присутствующий в тексте, изучается с историко-литературной, эстетической и социально-психологической точек зрения (Там же: 255), что влечет за собой знакомство с биографией писателя, определение литературного направления, к которому он принадлежит, соотнесение с реальной личностью создателя текста. Для лингвистики более продуктивной представляется категория языковой личности автора, стоящей, по выражению Н. С. Болотновой, за текстом (Там же: 254). Внеположенность языковой личности автора позволяет соотнести ее с концептуальной сферой определенной культуры и проследить влияние на ее формирование базовых концептов этой культуры.

В нашей концепции языковая личность автора исследуется на трех уровнях: поверхностно-эмпирическом, глубинно-концептуальном и дискурсивно-прагматическом (КОСТРОВА 2004: 35-37). На поверхностно-эмпирическом уровне вычленяются репрезентанты концептуальной картины мира автора текста; глубинный уровень анализа позволяет прийти к обобщениям концептуального плана и выявить производность авторских художественных концептов от базовых концептов соответствующей лингвокультуры; дискурсивно-прагматический уровень открывает доступ к пониманию мотивации автора.

3. Концептосфера авторской языковой личности

Производность авторских художественных концептов прослеживается при их сопоставлении с базовыми концептами немецкой культуры. Эти концепты описаны отечественными авторами. Приведем их списком, чтобы наглядно представить возникающие зависимости, ср.: ORDNUNG 'порядок', SICHERHEIT 'безопасность, защищенность, уверенность', PFLICHT 'долг', DISZIPLIN 'дисциплина', EFFIZIENZ 'эффективность, действенность', GESETZ 'закон', GEHORSAM 'послушание', UNTERORDNUNG 'подчинение', PÜNKTLICHKEIT 'пунктуальность, точность, аккуратность', GEMÜTLICHKEIT 'уют, уютность, добродушие', PLANUNG, 'планирование', VERANTWORTUNG 'ответствен-

ность', ZUVERLÄSSIGKEIT 'надежность', ARBEIT 'работа' (МЕДВЕДЕВА и др. 2011; СКОРНЯКОВА 2008). Как видим, однолексемным репрезентантам концептов в немецкой лингвокультуре, однозначно номинирующим концепт, в русской лингвокультуре во многих случаях не находится однолексемных соответствий, что свидетельствует о расплывчатости соответствующего концепта.

Доминирующим базовым концептом является, на наш взгляд, ORDNUNG, поскольку остальные концепты так или иначе соотносятся с ним, а иногда прямо произведены от него. В ментальном пространстве языковой личности, создающей текст, базовые концепты под влиянием конкретной ситуации преобразуются и получают текстовое воплощение. Это сложный процесс, на который оказывают влияние традиционных литературных жанров национальной культуры, а также возможности этноязыка.

К традиционным жанрам немецкой литературы относится роман. Анализируемый роман в жанре литературной автобиографии сочетает черты дневникового, мнемонического романа с чертами романа-путешествия и романа-воспитания. Для этого жанра характерны детские воспоминания, которые содержатся в каждом таком романе (НЮБИНА 2000: 39). В *Kindheitsmuster* они являются сюжетообразующими. Возможности этноязыка покажем на примере названия романа. Объясняя его выбор, Вольф пишет, что слово *muster* происходит от латинского *monstrum*, которое в современном значении связывается с «монстрами» (WOLF 1982: 52). Не случайно название трудно перевести на русский язык. Кроме устоявшегося перевода *Образы детства* представлен вариант *Пример одного детства* (МЛЕЧИНА 1985: 211), что объясняется наличием более обычного значения слова *Muster* 'пример, образец', однако плохо сочетается с авторским замыслом, допускающим приведенный выше смысл.

Принимая во внимание описанные условия формирования художественной картины мира, обратимся к концептосфере автора в *Образах детства*. Своеобразие мнемонического повествования заключается в объединении в одном лице автора, рассказчика и протагониста (НЮБИНА 2001: 11). Исследуемый роман написан от лица автобиографического персонажа Нелли Йордан, которая выступает во всех трех ипостасях и говорит о себе то в третьем, то во втором, то в первом лице. Доминантный базовый концепт ORDNUNG прямо номинируется в некоторых ситуаци-

ях, о которых вспоминает протагонист Нелли. В одном случае дело касается пятна на чистой скатерти, которое не может быть оправдано известием, что отец чуть было не стал убийцей. Мотивацией упрека в отношении пятна на скатерти служит: *Ordnung muss sein* (240)*. В другом месте Нелли выступает в роли автора, сознающего свою принадлежность к нации и усвоенные с детства базовые концепты немецкой лингвокультуры. О национальной идентичности свидетельствует местоимение *unser* и прямая репрезентация базовых концептов немецкой лингвокультуры. Ср.:

- (1) *Leichter scheint es, ein paar hundert, oder tausend, oder Millionen Menschen in Un- oder Untermenschen umzuwandeln als unsere Ansichten von Sauberkeit und Ordnung und Gemütlichkeit* (262).

Однако в мировосприятии автора-протагониста складываются и производные от базовых концепты. Многократно повторяющимся репрезентантом авторской концептуальной сферы на поверхностном уровне текста оказываются варианты лексемы *Gedächtnis* 'память' или словосочетания с ней. Это понятие приобретает в романе концептуальный смысл, координирующий с базовым лингвокультурным концептом *VERANTWORTUNG*. Концепт передается прямыми и косвенными номинантами. К первым относятся, например, *Gedächtnisarten* 'виды памяти', *Langzeit-* и *Kurzzeitgedächtnis* 'долговременная и краткосрочная память', механическая, образная, логическая, вербальная, материальная память и память действий. При этом остро не хватает вида памяти, передаваемого концептом *MORALISCHES GEDÄCHTNIS* 'моральная память'. Для интерпретации этого концепта необходимо перейти на глубинный уровень анализа. Вспоминая детство, Нелли, будучи уже взрослой женщиной, пытается связать в памяти отдельные эпизоды из жизни родителей. Вольф оформляет воспоминания в виде предположений, из которых становится ясно, что родители не могли не знать того, что происходило в стране в 1933 г. Предположение выражается глаголом *werden* в эпистемическом значении в сочетании с инфинитивом вторым смысловых глаголов. Троекратное повторение частицы *doch* говорит об уверенности предположения. Ср.:

* Здесь и далее в круглых скобках номера страниц приводятся по изданию Wolf, Christa. (1982) *Kindheitsmuster*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag.

- (2) Aber Zeitung werden sie doch *gelesen haben*. Wenigstens den „General-Anzeiger“ werden sie doch schon *abonniert gehabt haben*. Zum Zeitunglesen werden sie doch *gekommen sein*, auch in den Jahren, in denen sie übermäßig gearbeitet haben müssen (53).

В газетах того времени была информация об ограничении свободы личности, о том, что допускаются несанкционированные обыски и конфискации, о том, что 21 марта 1933 г. основан концлагерь Дахау, который мог вместить 5000 узников. Но эти неудобные факты не откладывались в памяти; люди скорее верили тому, что говорил Геринг: лагерь предназначен для элементов, отлынивающих от работы, представляющих опасность для общества, политически неблагонадежных. Пропаганда имела успех: в ноябре 1933 г. люди проголосовали за партию нацистов и город, где жили родители, отличился наибольшим числом поданных за эту партию голосов. Родители тоже голосовали «за», то есть стали соучастниками нацистской политики:

- (3) Bruno und Charlotte Jordan hatten sich der Stimme nicht enthalten. Man konnte nicht mehr anders (55).

Молчаливое соучастие расценивается автором как проблема моральной памяти. Косвенно с этой проблемой соотносятся вариативные репрезентанты общего концепта GEDÄCHTNIS: существительные Erinnerung ‘воспоминание’, Grundmechanismus: Einlesen — Speichern — Abrufen ‘основной механизм (запоминания — О. К.): прочитать — сохранить в памяти — извлечь’, и глаголы vergessen ‘забывать’ и др. Проблема памяти мучает автора-рассказчика не случайно. Память о пережитом в детстве и юности тесно связана с концептами DEUTSCHE SCHULD и UNSICHERHEIT ‘неуверенность’, которые ассоциативно противопоставляются доминантному концепту немецкой лингвокультуры ORDNUNG. Как могли немцы с их почитанием порядка допустить к власти людей, которые привели страну к катастрофе? Разруха, хаос, в котором оказалась страна в результате поражения во второй мировой войне, прямо противоречили картине мировосприятия: концепту порядка.

Концепт вины не называется прямо, не имеет лексических репрезентантов. Косвенными свидетельствами этого концепта могут служить наименования реалий времени нацизма, сохранившиеся в памяти автора и выполняющие в повествовании функции *прагматического фокуса* и *выдвижения* (ср. НЮБИНА 2000:

35-50). События и факты, стоящие за этими номинациями, соотносятся в глазах общественности с концептом DEUTSCHE SCHULD. В группу «обвинительных» реалий входят обозначения концлагерей (KZ, Dachau, Ravensbrück) и узников (Kzler, Gefangene); обозначения, входящие в тематическую группу «фашизм» (Führer, NSDAP, Nazis, deutscher Gruss: Heil Hitler!, Volksgenosse, Judenverfolgung, Vergasung der Kranken и др.), глагольные и глагольно-именные обозначения преступных действий (totschlagen, vergasen, polnische Geiseln exekutiert / erhängt). В тексте романа содержатся и прямые обвинения немецкого фашизма устами польского писателя Казимежа Брандыса, назвавшего немцев «классиками фашизма», ср.:

- (4) Faschismus, schreibt der Pole Kazimierz Brandys, Faschismus ist ein weiterer Begriff als die Deutschen. Aber sie sind seine *Klassiker* gewesen (52).

Концепт вины вычитывается из синтаксических конструкций, которые по форме являются вопросительными, но по сути таковыми не являются. Автор прямо говорит о том, что здесь нарушаются правила немецкой грамматики: поскольку время вопросов еще не настало, вопрос приобретает риторический смысл. Прагматическая функция этих конструкций (скажем, забегая вперед) состоит не в запросе информации, а в выражении упрека и более того — обвинения. Ср. фразу, обращенную освобожденным из концлагеря в 1945 г. коммунистом к матери Нелли, которая не могла поверить, что он оказался в концлагере только потому, что был коммунистом. Эту фразу можно считать синтаксическим репрезентантом концепта вины: WO HABT IHR VLOß ALLE GELEBT 'Где только вы все жили'. Фраза имплицитно подтекст, который формулирует дочь Нелли Ленка в виде риторического упрека: 'как можно одновременно присутствовать и отсутствовать, не принимать ни в чем участия'. Ср.:

- (5) Lenka sagt: Das versteht sie nicht, solche Sätze. Von Leuten, die die ganze Zeit dabei gewesen sind. Sie will nicht — noch nicht — erklärt haben, *wie man zugleich anwesend und nicht dabei gewesen sein kann*, das schauerliche Geheimnis der Menschen dieses Jahrhunderts (57).

Другой риторический вопрос в устах отца Нелли, вернувшегося из советского плена и пришедшего к осознанию совершенного, звучит обвинением в адрес нацистских правителей:

WAS HABEN DIE MIT UNS GEMACHT ‘Что они сделали с нами’. Фраза имплицитно несет концептуальный смысл: «Они не имели права так поступать с нами». Автор воспринимает этот риторический вопрос в буквальном смысле, пытаясь найти ответ на него. Как удалось правящей верхушке заставить народ стать соучастником злодеяний? Вольф приходит к выводам, которые мы обобщаем в виде производных концептов, имеющих лексическую репрезентацию: GENORSAMKEIT ‘послушание’, SCHWEIGEN ‘молчание’, LÜGE ‘ложь’. Протагонист вспоминает, что молчание пронизывало всю жизнь, начиная с семьи. В тексте романа концепт репрезентируется глаголом *schweigen*:

(6) *Nirgendwo wird so abgrundtief geschwiegen wie in deutschen Familien* (272).

Концепт GENORSAMKEIT представлен в заголовке 9-й главы существительным *Hörigkeit*, имеющим значение не просто ‘послушание’, но ‘крепостная зависимость, кабала, подчиненность’. Этим существительным автор отвечает на предшествующий вопрос «*Wie sind wir so geworden, wie wir heute sind?*» Концепт вычитывается из следующего контекста, в котором Нелли ведет мысленный диалог с собой, обращаясь к себе на «ты»:

(7) *Du stellst dir ein Volk von Schläfern vor, ein Volk, dessen Gehirne träumend den ihnen gegebenen Befehl befolgen* (197-198).

Концепт LÜGE заключен в названии 3-й главы: «*Alles ist verkehrt. Glitzerwörter. Wie Scheu entsteht*». Второй компонент названия *Glitzerwörter* имеет метафорический смысл. Дословно — это ‘блестящие слова’. Так девочка Нелли называет слова, которые люди произносили заговорщицки, с блестящими глазами. Это слова не для детских ушей, об их значении нельзя было спрашивать. К ним относятся слова, за которыми стоит ненависть к слабым, слова, перевертывающие нормальные отношения в обществе. Об этом говорит первый компонент названия: ‘Все перевернуто’. Эти слова относились к людям, которые подлежали общественному осуждению или даже отправлялись «ради чистоты нации» в газовые камеры: *unnormal* ‘ненормальный’, *Schwindsucht* ‘чахотка’, *artfremd* ‘чуждый расе’, *unfruchtbar* ‘бесплодный’. Эти слова порождали страх, и не только в детской душе. Кроме того, ложь сквозит в эвфемистических обозначениях, например, *Konzentrationslager* издевательски-упрощенно назывался *Konzertlager*.

Чувство вины автор испытывает по отношению к своей дочери, которая хочет знать, как можно жить 'после этого': «wie man 'danach' weiter leben kann» (237). Ленка не употребляет слов, скомпрометировавших себя во время нацизма. Вместо слов *schrecklich*, *gräßlich*, *abscheulich*, *furchtbar*, которые в дни юности были в лексиконе Нелли, ее дочь говорит «*irre*», «*mies*», «*widerlich*», «*beschissen*» (232).

Таким образом, в ментальном пространстве автора доминирует концепт вины, который реализуется через номинанты концепта *GEDÄCHTNIS*, связанного с чувством ответственности за прошлое. В своей памяти автор-протагонист постоянно возвращается к обвиняющим реалиям своего детства и мучительно размышляет над тем, как она может объяснить дочери, почему их родина стала «классиком фашизма».

Доминантный концепт порождает периферийные, к которым мы отнесли *SPALTUNG DER PERSÖNLICHKEIT* 'расщепление личности', *URSPRUNGSDRANG* 'тяга к истокам' и *KRITIZISMUS* 'критицизм'. Концепт *SPALTUNG DER PERSÖNLICHKEIT* образует в романе своеобразную рамку. Первая глава называется «*In der dritten Person leben lernen. Ein Kind erscheint*» 'Учиться жить в третьем лице. Появляется ребенок'. Вторая часть заголовка может быть интерпретирована двояко. С одной стороны, она означает, что в семье появился младший брат Нелли, которая поначалу чуть не причиняет ему сознательно увечье, а потом мучается от этого и испытывает чувство раздвоения. С другой стороны, во взрослой женщине Нелли появляется ребенок — она сама в детстве; ребенок, который заставил ее говорить о себе в третьем лице.

В конце романа автор спрашивает себя, сломлено ли господство прошлого, которое расчленило ее личность на первое, второе и третье лицо, и не находит ответа на этот вопрос. Расщепление личности реализуется в сложной субъектно-объектной структуре романа. Л. М. Ньюбина замечает, что в размышлениях Нелли «даже аутентичность приобретает черты парадоксальности» (НЮБИНА 2914: 198), поскольку автор постоянно отчуждается от себя. Читателю об этом становится известно уже в первых строках романа, задающих перспективу ретроспективного повествования:

(8) Das Vergangene ist nicht tot; es ist nicht einmal vergangen. *Wir tren-*

nen es von uns ab und stellen uns fremd (9).

Отчуждение от себя достигается повествованием от третьего лица, когда речь идет о девочке, потом — девушке Нелли. Взрослая Нелли ведет мысленный разговор с собой, обращаясь к себе на «ты» (ср. пример 7), противопоставляя тем самым две личности: себя, оглушенную пропагандой, и себя, осознавшую ее губительность. Происходит известная сублимация «разновременных личностей, состоящих друг с другом в отношениях диалога» (НЮБИНА 2014: 199). Расщепление личности началось в семье и продолжилось в школе, когда Нелли должна была притворяться, что она — «как все». Это подрывало чувство уверенности в себе; концепт SPALTUNG DER PERSÖNLICHKEIT входит как противочлен в ассоциативное поле базового концепта SICHERHEIT.

Концепт SPALTUNG DER PERSÖNLICHKEIT поддерживается и тем обстоятельством, что родной город Нелли Ландсберг, в котором прошло ее детство, после войны отошел к Польше и стал называться Горзуф Великопольский. Семья бежала с насиженного места, страшась наступления Красной армии. Но человека тянет к его истокам, и Нелли, живя в ГДР, ощущает эту тягу. В 1971 г. она с мужем, братом и дочерью едет в родной город, надеясь лучше понять свое детство.

Концепт URSPRUNGSDRANG имеет глубокие исторические корни, заложенные в философии романтизма. Если у Новалиса романтическим символом был голубой цветок, то у Нелли таким символом становится белый пароход, который она видела незадолго до начала войны и который символизировал в ее восприятии мира безоблачные надежды на радужный исход. «Das weiße Schiff» входит в название 7-й главы и как романтический символ противостоит реальности предвоенного времени, когда уже существовал запрет на неудобную информацию (Nachrichtensperre).

Концепт URSPRUNGSDRANG реализуется, кроме того, в обращении к пословицам и народным песням. При этом пословицы приводятся, например, в ситуации, описывающей воспитание в среднеевропейском, а точнее в немецком духе. Они передают веками накопленный опыт поведения «нормального» человека, опыт, согласующийся с базовыми концептами немецкой культуры ORDNUNG, PÜNKTLICHKEIT, ARBEIT. Именно поэтому они не вызывают отторжения. Ср.:

- (8) Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute. Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen. Langes Fädchen, faules Mädchen. Was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr (264).

Концепт KRITIZISMUS постоянно сопутствует размышлениям автора, ср. (1, 4, 6, 7).

Перейдем к грамматико-прагматическим средствам, получающим в романе концептуальный смысл. Грамматическая категория лица (ср. выше) формирует концепт SPALTUNG DER PERSÖNLICHKEIT. Этому же способствуют многочисленные прагматические вставки, например, противопоставление сокращенных обозначений родного города (L) и (G). Прагматические вставки разрывают логику повествования, перенося читателя из прошлого в настоящее, от Нелли-девочки к Нелли — взрослой женщине. Например, размышляя о своей встрече с тетей Йеттой, которая была признана умалишенной и отправлена в газовую камеру, автор приводит в скобках параллель с настоящим временем, именно с тем, как воспринимает жизнь ее дочь. Слова английской песни, которую постоянно слушает Ленка, наводят на мысль, что люди ничему не учатся из истории, ср.:

- (9) (Seit ein paar Tagen, seit Lenka Tag und Nacht eine dunkle Melodie singt, steht jene Tante Jette [...] dir wieder deutlich vor Augen. Lenka singt: [...] Sometimes it seems to me things move too slowly, nothing is near...) (258).

Критицизм распространяется и на восприятие современных событий, переплетающихся с воспоминаниями в сознании протагониста: войну во Вьетнаме, диктатуру в Чили и др. Такие события наводят на мысль о повторении истории.

4. Выводы

Проведенное исследование подтверждает эффективность методологии исследования языковой личности автора художественного произведения, изложенной в монографии (КОСТРОВА и др. 2021). В романе Вольф *Kindheitsmuster* выявляется совокупность концептов, составляющих концептосферу авторской языковой личности, образующей ядро художественного текста. Когнитивно-прагматический анализ этой концептосферы подтверждает сложность ее формирования: она неразрывно связана с базовыми концептами немецкой лингвокультуры, с национальными литературными традициями и этноязыком, но вместе с тем

испытывает значительное влияние социокультурных условий, в которых она складывается. Индивидуальность автора проявляется в выборе как литературной формы и конкретных языковых средств, репрезентирующих концепты, так и в структурировании текста, а также в использовании художественного приема фокусирования. В этом аспекте языковая личность сближается с образом автора.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: ФЛИНТА: Наука, 2009. [Bolotnova, Natalya S. (2009) *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tesaurus* (Communicative Stylistics of the Text: Dictionary-Thesaurus). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Гранин Д. О романе // Знамя. 1989. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lit-mir.me/br/?b=166222&p=1>. (Дата обращения: 27.01.2021). [Granin, Daniil. (1989, January 27) O romane (About the Novel). *Znamya*, 6. Retrieved from <https://www.lit-mir.me/br/?b=166222&p=1>. (In Russian)].
- Гончарова Е. А. Текст — дискурс — стиль как когнитивное, коммуникативно-прагматическое и интерпретационное триединство // Текст — дискурс — стиль в современной этнокультуре Германии: коллективная монография. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 10—33. [Goncharova, Yevgeniya A. (2012) *Tekst — diskurs — stil kak kognitivnoye, kommunikativno-pragmaticheskoye i interpretatsionnoye triyedinstvo* (Text — Discourse — Style as Cognitive, Communicative-pragmatic and Interpretative Triunity). In Volskiy, Aleksey L.; Kopchuk, Lyubov' B., & Shishkina, Inna P. (eds) *Tekst — diskurs — stil' v sovremennoy etnokul'ture Germanii* (Text — Discourse — Style in Contemporary German Ethno-culture). Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University, 10—33. (In Russian)].
- Гуров П. А. История и современность в художественной и эссеистической прозе Кристи Вольф 70-х — 80-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. М.: МГУ, 1993. [Gurov, Petr A. (1993) *Istoriya i sovremennost' v khudozhestvennoy i esseisticheskoy proze Kristy Volf 70-kh — 80-kh godov* (History and the Present in Fiction and Essay Prose by Christa Wolf). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. [Karaulov, Yuriy N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Language Personality). Moscow: LKI. (In Russian)].
- Кострова О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого

- языка. М.: ФЛИНТА: МПСИ, 2004. [Kostrova, Olga A. (2004) *Ekspressivnyy sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka* (Expressive Syntax of Contemporary German). Moscow: Flinta: MPSI. (In Russian)].
- Кострова О. А., Беспалова Е. В., Блинова Ю. А., Омелькина О. В. Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты. М.: Флинта, 2021. [Kostrova, Olga A.; Bepalova, Yekaterina V.; Blinova, Yuliya A., & Omel'kina, Oksana V. (2021) *Nemetskiy khudozhestvennyy tekst: kognitivnyye i lingvokulturnyye aspekty* (German Literary Text: Cognitive and Linguocultural Aspects). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Медведева Т. С., Опарин М. В., Медведева Д. И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2011. [Medvedeva, Tatyana S.; Oparin, Mark V., & Medvedeva, Diana I. (2011) *Kluchevyye kontsepty nemetskoj lingvokultury* (Core Conceptual Structures of German Linguo-culture). Izhevsk: Udmurt State University. (In Russian)].
- Млечина И. В. Типология романа ГДР. М.: Наука, 1985. [Mlechina, Irina V. (1985) *Tipologiya romana GDR* (Typology of the GDR Novel). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Мотылева Т. Размышления Кристи Вольф // Вопросы литературы. 1987. № 9 (Электронный ресурс). URL: Размышления Кристи Вольф — Вопросы литературы (voplit.ru). (Дата обращения: 27.01.2021). [Motylyova, Tamara. (1987, January 27) *Razmyshleniya Kristy Wolf* (Reflections of Christa Wolf). *Voprosy literatury* (Issues of Literature), 9. Retrieved from <http://voplit.ru/article/razmyshleniya-kristy-wolf>. (In Russian)].
- Нюбина Л. М. Воспоминание и текст: монография. Смоленск: Смоленский гос. пед. ун-т, 2000. [Nyubina, Larisa M. (2000) *Vospominaniye i tekst* (Reflections and Text). Smolensk: Smolensk Pedagogical University. (In Russian)].
- Нюбина Л. М. Воспоминание в картинах и образах (на материале немецкой мемуарной литературы XX века). Смоленск: Смоленский гос. пед. ун-т, 2001. [Nyubina, Larisa M. (2001) *Vospominaniye v kartinakh i obrazakh* (Reflections in Pictures and Images). Smolensk: Smolensk Pedagogical University. (In Russian)].
- Нюбина Л. М. Мемуарный текст как «культурогенный» феномен // Русская германистика. Т. 11 / под ред. Н. С. Бабенко. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С. 190—202. [Nyubina, Larisa M. (2014) *Memuarnyy tekst kak "kulturogennyy" fenomen* (Memory Text as a Culture Trigger Phenomenon). In Babenko, Nataliya S. (ed.) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of

Germanists). Vol. 11. Moscow: LRC Publishing House: Znak, 190—202. (In Russian)].

Скорнякова Р. М. Принципы моделирования языковой картины мира. Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2008. [Skornyakova, Raisa M. (2008) *Printsipy modelirovaniya yazykovoy kartiny mira* (Principles of Modeling the Language World Picture). Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. (In Russian)].

Wolf, Christa. (1982) *Kindheitsmuster*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag.

Olga A. Kostrova

Samara State University of Social Sciences and Education

**Concept Sphere of Language Author Personality
in the Novel by Christa Wolf *Kindheitsmuster***

The author's linguistic personality is considered as the core of a literary text that reflects the specifics of the real reality of a certain time. In the novel under study, the author's linguistic personality allows us to present the process of understanding the past by a generation of Germans, whose childhood fell during the period of Nazism. The author's concept sphere is analyzed on three levels: surface-empirical, deep-conceptual, and discursive-pragmatic. The author's conceptual structures are regarded as derived from those of German linguistic culture, which were formed under the influence of socio-cultural conditions during the formation of the personality.

Keywords: dominant and peripheral conceptual structures; German fault; memory; bifurcation of personality; hang to sources; criticism